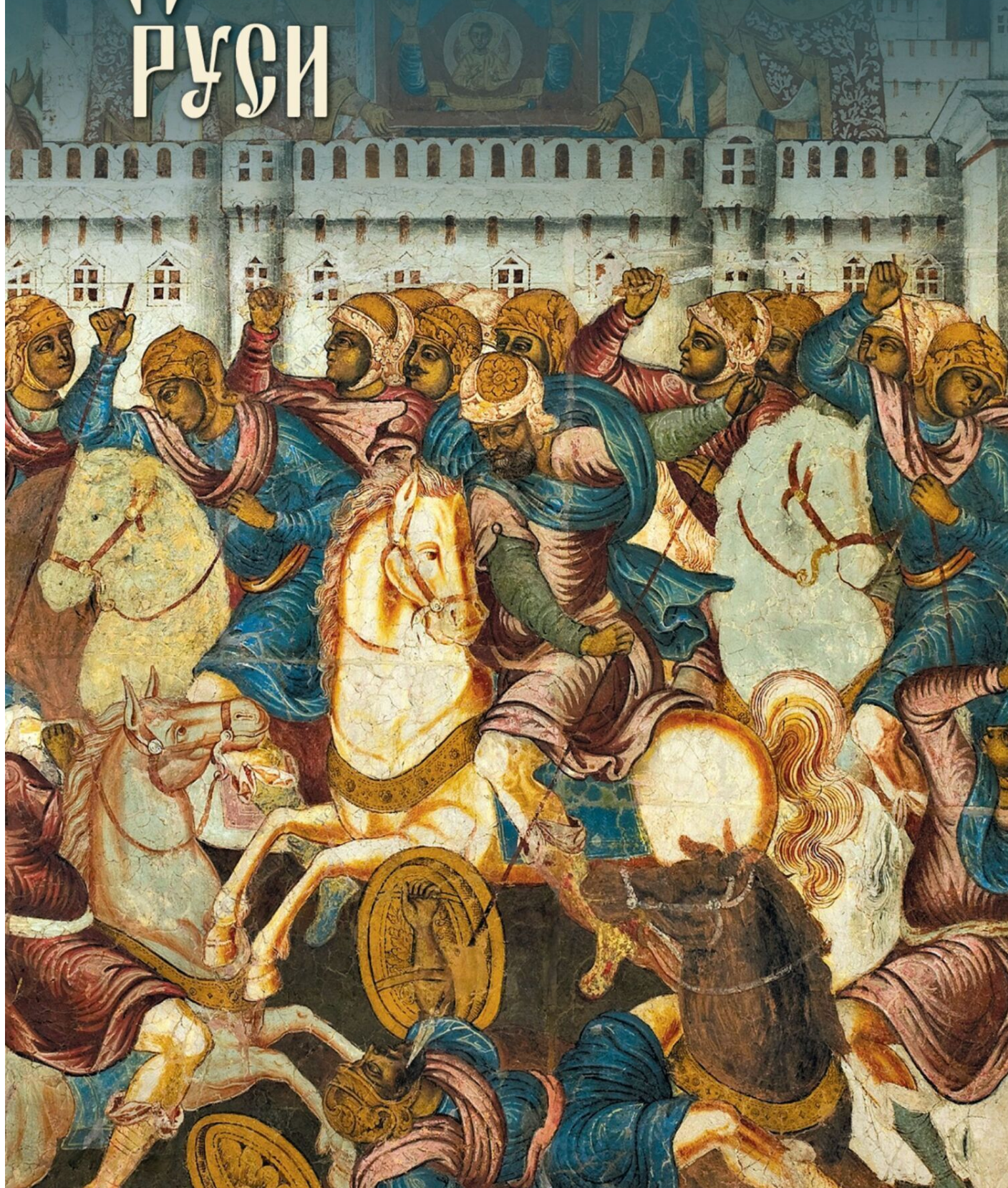

Михаил ЕЛИСЕЕВ

ВОЙНЫ И БИТВЫ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

Неведомая Русь

Михаил Елисеев

**Войны и битвы
домонгольской Руси**

«ВЕЧЕ»

2021

Елисеев М. Б.

Войны и битвы домонгольской Руси / М. Б. Елисеев — «ВЕЧЕ»,
2021 — (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4484-8600-5

Говорят иногда, что история человечества – это история войн. Вне зависимости от того, согласны вы или нет с таким мнением, из прошлого, в том числе из прошлого нашей страны, не вычеркнешь тот факт, что войны шли (и идут) непрерывно. Со школьных лет мы знаем о конфликтах времен княжьих усобиц на Руси. Но обо всех ли? А какие они были? Что за последствия имели? Прочтите эту книгу, услышите ржание коней, свист стрел, звон мечей, крики и стоны... Откройте для себя неведомые страницы истории домонгольской Руси.

ISBN 978-5-4484-8600-5

© Елисеев М. Б., 2021

© ВЕЧЕ, 2021

Содержание

Предисловие	6
I. Вороний грай	8
1. Изгой (1073–1078 гг.)	8
2. Битва на Нежатиной ниве (3 октября 1078 г.)	12
3. Битва на реке Стугне (26 мая 1093 г.)	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Михаил Борисович Елисеев

Войны и битвы домонгольской Руси

© Елисеев М.Б., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

Эпоха феодальной раздробленности на территории Руси ознаменовалась многочисленными военными конфликтами. Особым кровопролитием отличались войны Юрия Долгорукого за Киев, в них оказались втянуты княжества не только Руси Южной и Руси Северо-Восточной, но и Юго-Западной Руси. Периодически в войну вступал Новгород, преследовавший свои цели в противостоянии Юрия и его племянника Изяслава. Боевые действия развернулись на огромной территории, ожесточенные сражения гремели на севере и юге, на западе и на востоке. Юрий достиг своей цели, но она явно не стоила тех жертв и усилий, которые пришлось заплатить за победу.

Противостояние Руси Южной и Руси Северо-Восточной продолжилось при сыне Долгорукого Андрее Боголюбском и закончилось убедительной победой владимирского князя. Киев окончательно утратил статус главного политического центра русских земель, некогда единая страна четко разделилась на несколько частей: Русь Северо-Восточную, Русь Юго-Западную, Русь Южную и Русь Северо-Западную. Походы Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского привели к тому, что именно Ростово-Суздальское княжество (впоследствии Владимиро-Суздальское) становится самым мощным государственным образованием на территории некогда единой Руси.

Поскольку для Залесской Руси опасность со стороны степи отсутствовала, у суздальских князей было три направления для проведения активной внешней политики – это борьба за влияние в Южной Руси, подчинение Новгорода и противостояние с Волжской Булгарией. Приоритеты иногда менялись местами, в зависимости от обстоятельств. Если Юрий Долгорукий все силы приложил, чтобы закрепиться на Юге и овладеть Киевом, то его сын Андрей Боголюбский резко смещает акценты. Ему не нужен златой киевский стол, наибольший интерес у князя вызывают Великий Новгород и Волжская Булгария. В борьбе за Киев Андрей участвует только потому, что хочет посадить на златой стол князя, лояльного Залесской Руси. Если для Юрия Долгорукого Северо-Восточная Русь является лишь базой для борьбы за Киев, то его сын главное внимание уделяет внутреннему укреплению Владимиро-Суздальского княжества. Походы на юг при Андрее Боголюбском происходят лишь в случае крайней необходимости, сам князь в них участия не принимает, полки водят его сыновья. И что немаловажно, при первых князьях Ростово-Суздальская земля не страдала от внутренних междоусобиц.

Военные предприятия Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского требовали значительных затрат, но экономика Ростово-Суздальского княжества успешно справлялась с возникающими проблемами. Именно на экономике базировалось военное превосходство суздальских князей над своими конкурентами. На крепком фундаменте, заложенном Юрием Долгоруким, его сыновья возвели здание Владимиро-Суздальской Руси, сильнейшего государства Восточной Европы.

Иная ситуация сложилась в Южной Руси, где значительная часть ресурсов Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств была направлена на борьбу со степняками. Большой вред наносили междоусобные войны, где главным призом победителю стал Киев, постепенно теряющий своё первенствующее положение в Русской земле. Для князей Юго-Западной Руси на первый план выходили отношения с западными соседями, поляками и венграми. И если волынские князья активно участвовали в борьбе за златой киевский стол, то князья Галича не предъявляли претензий на Киев. Для них гораздо большее значение имела борьба с местным боярством.

Временные рамки книги ограничены бегством Олега Святославича в Тмутаракань в 1078 г. и убийством Андрея Боголюбского в 1174 г. В данной работе главное внимание уделено военной истории Средневековой Руси, вопросы социально-экономического и внутривла-

ческого развития княжеств не затрагиваются и не рассматриваются. Объем книги не позволил охватить все военные конфликты, случившиеся на Руси в указанный период.

I. Вороний грай

1. Изгой (1073–1078 гг.)

*Тъй бо Олег мечем крамолу ковање и стрелы по земли сеяше.
Слово о полку Игореве*

У киевского князя Ярослава Мудрого было шесть сыновей – Владимир, Изяслав, Святослав, Всеволод, Вячеслав и Игорь. Новгородский князь Владимир умер за два года до смерти отца, в 1052 г. Остальные сыновья согласно завещанию Ярослава поделили страну на уделы. Как пишет новгородский летописец, *«и разделишиа землю: и взя вятишии Изяслав Киев и Новгород и ины города многы Киевськыя в пределах; а Святослав Чернигов и всю страну въсточную и до Муroma; а Всеволод Переяславль, Ростов, Суждаль, Белоозеро, Поволожье»* (3, 469). Игорь получил Владимир-Волынский, Вячеслав – Смоленск (82, 156). Вскоре количество уделов сократилось, поскольку Вячеслав умер в 1057 г., а Игорь в 1060 г. Русь оказалась поделена между Изяславом, Святославом и Всеволодом, Всеслав Полоцкий традиционно держался обособленно.

У черниговского князя Святослава Ярославича было пять сыновей – Глеб, Роман, Давыд, Олег (в крещении Михаил) и Ярослав. Из всех братьев особенно выделялся Олег, личность неординарная и харизматическая. Если бы жизнь князя сложилась иначе, не один Владимир Мономах остался бы в памяти потомков как радетель и защитник Русской земли. Но Олегу была суждена иная участь.

Людская память избирательна. Никто бы не помнил в наши дни новгород-северского князя Игоря Святославича, внука Олега, разгромленного половцами в 1185 г., если бы он не был увековечен гением автора «Слова о полку Игореве». Более достойные имена были забыты, Игорь Святославич остался на слуху. Похожая ситуация сложилась с Олегом, князь был заклеим создателем «Слова» как главный крамольник и зачинатель усобиц на Руси: *«Тот ведь Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял»*. Автор поминает Олега недобрым словом:

Тогда, при Олеге Гориславиче,
засевалось и прорастало усобицами,
погибало достояние Дажьбожа внука,
в княжеских крамолах сократились жизни людские.
Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали,
но часто вороны граяли,
трупы между собой деля,
а галки по-своему переговаривались,
собираясь полететь на поживу! (26,65)

Само прозвище князя – Гориславич – часто трактуется в сугубо отрицательном смысле. Подразумевается, что разжигал Олег междоусобицы, приводил на Русь половцев, принес людям много горя, за что и наградил его народ соответствующим прозвищем. Только доподлинно неизвестно, кто же так прозвал Олега – народ или автор «Слова»? На проблему можно взглянуть и под другим углом. У князя была очень непростая судьба, он был гоним родственниками, предан близкими людьми, и прозвище Гориславич свидетельствует о его горькой доле. Есть ещё одно мнение на этот счет. Как заметил А.Л. Никитин, Олега должны были помнить как *«Гориславича», т. е. «горящего славой», «озаренного славой», а вовсе не «горе-славича», как*

его почему-то представляют многие исследователи, не вдумывающиеся в значения слов родного языка!» (72, 20). На Руси было распространено имя Горислав, которое по определению не могло нести негативный оттенок.

По большому счету, Олег должен был стать изгоем и закончить свою жизнь либо за пределами Руси, либо в каком-нибудь захолустном городке. Хотя по закону и праву он мог претендовать на гораздо большее. И только железная воля да отчаянная храбрость позволили Олегу отстоять свои права. Он боролся за место под солнцем с мечом в руке, поскольку его обидчики не желали слышать слово правды. Олег был свирепым волком, но и враги, травившие князя, были такими же матерыми хищниками.

Был в биографии князя любопытный момент: даже самые непримиримые враги Олега Святославича относились к нему с уважением. И не важно, находился Олег на вершине успеха или же был загнан в угол. Что само по себе удивительно, поскольку далеко не с каждым побежденным противником так обходились на Руси. Даже пролитая кровь родичей не меняла отношения к князю со стороны недругов. Подобное уважение надо было заслужить.

* * *

Князь Святослав Ярославич был не только храбрым ратоборцем и умелым воеводой, но и прожженным интриганом. События 1068 г. наглядно показали ему, насколько непрочно в Киеве власть старшего брата Изяслава. Отчий златой стол манил Святослава, хотя князь понимал, что в одиночку свалить Изяслава не получится. Всё зависело от того, какую позицию займет младший брат Всеволод. В летописях конкретно указано, что Святослав стал настраивать Всеволода против родственника: *«Изяслав сговаривается с Всеславом против нас, и если его не упредим, он нас выгонит»* (4, 187). Трудно сказать, насколько переяславский князь поверил словам брата. Не исключено, что он вообще не принял их на веру, поскольку союз между Изяславом и Всеславом Полоцким выглядел нереально. Другое дело, что изгнание Изяслава из Киева было Всеволоду выгодно, в этом случае он перемещался из Переяславля в Чернигов. Как бы там ни было, Всеволод Ярославич решил поддержать Святослава.

22 марта 1073 г. черниговские и переяславские полки вступили в Киев. Изяслава застали врасплох, князь не смог организовать сопротивление и был вынужден вместе с женой бежать из города. Несмотря на спешку, он сумел вывезти казну, что в дальнейшем позволяло вступить в борьбу за наследство отца: *«С этим найду воинов»* (4, 187). Можно предположить, что Изяслав хотел опереться на поляков. Если это так, то он жестоко ошибся. Вместо того чтобы помочь изгнаннику вернуться в Киев, ляхи ограбили Изяслава и выдворили за пределы Польши, несмотря на то что он был женат на польской княжне.

Святослав утвердился в Киеве, Всеволод перешел в Чернигов, Олег Святославич стал княжить во Владимире-Волынском, его брат Давыд в Переяславле. Сын Всеволода, Владимир Мономах, получил Смоленск. Относительно Олега мнения историков расходятся: Н.М. Карамзин пишет, что Олег княжил во Владимире-Волынском, согласно В.Н. Татищеву – в Ростове. Здесь прав Карамзин, информация о том, что Олег правил на Волыни, присутствует в «Поучении Владимира Мономаха». В пользу этого свидетельствует поход на чешского князя Вратислава, предпринятый в 1076 г. Владимиром Всеволодовичем Мономахом и Олегом Святославичем. Вести дружину из Ростова в поход на чехов нелогично, этот путь далек и труден. Зато Владимир-Волынский находился на западной границе Руси и являлся идеальной базой для рейда на запад.

Летописец не стал вдаваться в подробности этого военного предприятия: *«Ходили Владимир Всеволодович и Олег Святославич в помощь полякам на чехов»* (4, 198). В «Поучении» вспомнит об этом походе Владимир Мономах: *«Послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глогов до Чешского леса и проходил по земле их 4 месяца»* (4, 228). Гораздо больше информа-

пии о войне с чехами содержится в труде В.Н. Татищева, но насколько она достоверна, сказать невозможно, поскольку в рассказе имеются фактические ошибки. Василий Никитич заблуждается, называя правителем Польши князя Владислава, во главе страны стоял Болеслав II Смелый. Согласно Татищеву, ситуация развивалась следующим образом: *«Святослав по просьбе князя польского послал ему в помощь против князя богемского Владимира, сына Всеволодова, да сына своего Олега со многим воинством. Князь же чешский Вратислав, слышав, что войска русские с польскими совокупились, послал воеводу своего Лопату к полякам просить о мире и, дав им 1000 гривен серебра за убытки, помирился. Владислав же, примирясь со Вратиславом, объявил Владимиру и Олегу, что он ныне не хочет воевать на Вратислава, а пойдет с войсками на пруссов и поморян. Владимир и Олег, уведав, что поляки, взяв от чех серебро, помирились, а их, только напрасный труд учинив, обратно возвращают, послали с таким ответом ко Владиславу: «Вы нас призвали в союз на Вратислава, и мы сюда с войсками пришли по просьбе вашей. Ныне же вы объявляете, что помирились. Мы вам оставляем на вашу волю, но мы, поскольку уже Богемии объявились неприятелями, не можем без мира возвратиться и стыд отцам нашим и государству русскому оставить. Того ради мы пойдем своей чести искать, а вы идите на пруссов и поморян, нам с ними никакой вражды нет». И так русские князи немедленно пошли к городу Глацу и, придя, оный взяли, около онога села опустошили. Вратислав богемский прислал ко Владимиру брата своего, епископа и многих вельмож просить о мире. Владимир и Олег, договорясь, взяли за убытки 1000 гривен серебра, и многие дары разделили на войско, и сами благополучно возвратились в дома. Поляки же, пошедшие в Поморье, с великим несчастием возвратились. Как сей несчастливый их поход, так и зависть, что русские лучший мир с чехами без них учинили, всеяло в польских вельможах великую на Владислава князя их злобу и распространяли на него многие клеветы и поношения» (82,171).*

Из текста следует, что польский князь лично просил Святослава Ярославича о помощи против чехов. В этом контексте изгнание Изяслава из Польши не выглядит странным: без происков Святослава здесь явно не обошлось. Болеслав II поддержал узурпатора, а не мужа своей тетки, но почему он сделал такой странный выбор, мы не знаем. Возможно, у князей нашлись некие общие интересы, касающиеся Изяслава. Поэтому, отправляя дружины на помощь Болеславу, Святослав просто возвращал долг. Повели войска на запад сын и племянник великого князя. В это время взаимоотношения между Владимиром Всеволодовичем и Олегом Святославичем были дружеские, недаром в 1076 и 1077 гг. Олег становится крестным отцом старших сыновей Мономаха, Мстислава и Изяслава.

Всё изменилось 27 декабря 1076 г., когда умер Святослав Ярославич. Великим князем автоматически становился Всеволод, поскольку Изяслава на Руси не было. Владимир Мономах получил Чернигов. Но Изяслав Ярославич скоро о себе напомнил, поскольку Болеслав II Смелый решил всё-таки помочь своему русскому родственнику. Польский князь предоставил в распоряжение Изяслава войска для похода на Киев. Что может свидетельствовать об одном: у Болеслава были договоренности со Святославом, но не с Всеволодом. Оказывая поддержку Изяславу, польский князь сажал на киевский стол человека, всецело ему обязанного. Всеволод своевременно узнал об этом, собрал полки и выступил на запад, надеясь перехватить Изяслава. Братья-соперники встретились на Волыни.

Всеволод оказался в сложной ситуации, поскольку Изяслав был старшим братом, имевшим законные права на Киев. В случае продолжения борьбы за великое княжение Всеволод в глазах всей Руси становился узурпатором. Младшему Ярославичу был чужд авантюризм брата Святослава, он был человеком прагматичным, везде искавшим выгоду. Просчитав последствия любого из своих решений, Всеволод склонился к урегулированию конфликта мирным путем. Братья перераспределили уделы, Изяслав получил Киев, Всеволод удержал Чернигов, Владимир Мономах вернулся в Смоленск, сын Изяслава Ярополк стал княжить в Вышгороде (16, 24). Пока Изяслав и Всеволод вели переговоры, в Южной Руси произошли тревожные собы-

тия. Воспользовавшись отсутствием князей в Чернигове, сын князя Вячеслава Ярославича, Борис, 4 мая 1077 г. неожиданным налетом захватил город. Информации об этом человеке практически не сохранилось, впервые на страницах летописей он появляется в связи с походом на Чернигов. В.Н. Татищев называет Бориса сыном Святослава, княжившим в Вышгороде, но это действительно не соответствует. В летописях конкретно прописано, что он был сыном князя Вячеслава (16, 24), да и в «Слове о полку Игореве» Борис назван Вячеславичем. Возможно, Василия Никитича ввело в искушение свидетельство Вологодско-Пермской летописи, где Борис ошибочно назван Святославичем (19, 44). Борис овладел Черниговом, но не сумел удержать город, его княжение продолжалось всего восемь дней, после чего князь бежал в Тмутаракань, где княжил Роман Святославич. Либо Бориса выгнали черниговцы, поскольку он был для них чужаком, либо князь узнал о приближении полков Владимира Мономаха, находившегося в это время в Киеве.

Договоренности Изяслава и Всеволода рикошетом ударили по Олегу, лишившемуся княжения на Волыни. В любом другом случае он не оказался бы при дворе своего дяди: «*Олег же Святославль бе у Всеволода в Чернигове*» (10, 2). В качестве кого находился Святославич при Всеволоде, неизвестно, не исключено, что в качестве заложника. Олег жил во дворце отца, где прошло его детство и большая часть жизни. Поэтому при виде того, как в доме Святослава Ярославича распоряжаются чужие люди, молодого князя охватывала ярость. Олег привык считать Чернигов своим городом, теперь же он оказался в нем на положении изгоя. До поры до времени князь ничего не предпринимал, сидел и ждал, когда у дядьев проснется совесть и они выделят племяннику удел. Совесть не проснулась. Святославич понял, что за место под солнцем придется бороться. Старшим братьям Олега, Давыду и Роману, повезло: один оказался на княжении в Муроме, другой в далекой Тмутаракани. Пусть далеко, за лесами и реками, степями и морями, но всё равно свой удел. Для Олега же полоса везения закончилась...

Интересное свидетельство содержится в «Поучении Владимира Мономаха», где князь рассказывает о своём визите в Чернигов: «*И Олег пришел туда, выведенный из Владимира, и я позвал его к себе на обед с отцом в Чернигове, на Красном дворе, и дал я отцу 300 гривен золота*» (4, 229). Информацию о деньгах можно трактовать по-разному, но всё это будут не более чем предположения, как обстояло дело действительно, мы никогда не узнаем. Главное другое – Мономах лично подтверждает, что Олега действительно лишили княжеского стола во Владимире-Волынском. Возможно, на этом обеде родственники как-то пытались урегулировать свои запутавшиеся взаимоотношения. Но не получилось. Предложение Всеволода Олега не устроило, поэтому князь решил силой добиваться справедливости.

Не только обида на родственников подвигла Олега к активным действиям. Он боялся, что с него могут спросить за дела отца, князь был уверен, что Изяславу хорошо известно, кто был истинным виновником его изгнания. Кроме того, Олег не сомневался, что Всеволод постарается очернить Святослава, чтобы снять с себя часть вины. Терпение молодого человека лопнуло, просидев в Чернигове практически год, в апреле 1078 г. Олег убежал в Тмутаракань.

На следующий год в Заволочье погиб старший сын Святослава Ярославича, новгородский князь Глеб, в Новгороде стал княжить Святополк Изяславич. Под властью сыновей Святослава остались лишь Тмутаракань и Муром.

2. Битва на Нежатиной ниве (3 октября 1078 г.)

В Тмутаракани собрались князья, недовольные произволом Изяслава и Всеволода Ярославичей. Речь шла о большой войне, поскольку Олег и Борис не собирались мириться с действиями дядьёв и двоюродных братьев. Что касается Романа Святославича, то он оказался в сложной ситуации, поскольку свой удел у князя был, но и оставлять в беде брата он не хотел. О втором сыне Святослава Ярославича информации сохранилось немного. Можно предположить, что он был очень красив, недаром автор «Слова о полку Игореве» называет тмутараканского князя *«красным Романом Святославичем»* (26, 49). Роман был уверен, что Олег и Борис вернутся на Русь, где будут с оружием в руках отстаивать свои права. Вопрос заключался в том, какую роль в этих событиях будет играть князь Тмутаракани.

Олег и Борис понимали, что с ними поступили несправедливо, вопреки древнему закону. Как знали и то, что если они сами о себе не позаботятся и не попытаются восстановить поправленную справедливость, за них это никто не сделает. Но собственных ресурсов для такого масштабного предприятия, как поход на Русь, у двоюродных братьев не было, поэтому они были вынуждены обратиться за помощью к третьей силе – половцам. Понимал ли Олег, что он делает, когда договаривался с извечными врагами Руси о военной помощи против родственников? Понимал, не мог не понимать. Но у князя не было другого выхода, он был загнан в угол своими беспринципными и алчными родичами. Выбор у Олега был прост – либо всю жизнь прожить в захолустье и скитаться в поисках куска хлеба и крова над головой, либо попытаться вернуть себе то, что было положено по праву. Не надо обвинять Олега и Бориса за развязывание междоусобицы, вина их дядьёв в этом кровопролитии гораздо больше. Рассуждения летописца на тему, что *«земле же Русской они великое зло причинили, пролив кровь христианскую, за которую взывает с них Бог, и ответ дадут они за погубленные души христианские»* (4, 199), не соответствуют действительности. Поскольку имена тех, кто довел молодых князей до крайности, не упоминаются. Изяслав и Всеволод Ярославичи – вот главные виновники разразившейся усобицы, именно их алчность и жадность не оставили племянникам иного выбора, как с оружием в руках сражаться за свои права. Преступив закон и лишив родственников уделов, Изяслав и Всеволод сами спровоцировали войну.

Глупо судить предков по меркам дня сегодняшнего. Как и обвинять Олега в том, что он не думал о благе страны. Далеко не каждый из тех, кто живет в наши дни, если бы с ним поступили подобным образом, утерся и смиренно принял свою долю. Все красивые речи о единстве Руси являются не более чем риторическими изысками, пока беда не коснется тебя лично. И тогда окажется, что все эти правильные слова лишь пустое сотрясение воздуха. Олег делал то, что на его месте сделал бы любой нормальный человек – мстил обидчикам и боролся за отцовское наследство. Князь обнажил меч не потому, что по природе своей жаждал крови, а потому, что его к этому вынудили. Олег ждал целый год в Чернигове, когда восторжествует справедливость. Не дождался.

Своей целью на Руси князья изгои выбрали Чернигов. В прошлом году горожане не приняли Бориса, поскольку он был для них чужаком. Иной была ситуация с Олегом, он в этом городе родился, вырос, многие черниговцы лично знали молодого князя. Олег пользовался в городе куда большей популярностью, чем выходец из Переяславля Всеволод Ярославич. Все эти факторы молодые князья учитывали. Не исключено, что, утвердившись в Чернигове, Олег пообещал Борису помощь в захвате какого-либо удела, в этом случае усобица могла затянуться надолго. Можно предположить, что князь Роман посодействовал родственникам деньгами и помог установить связи с половцами. Как только договоренности были достигнуты, изгои повели на Русь степную конницу.

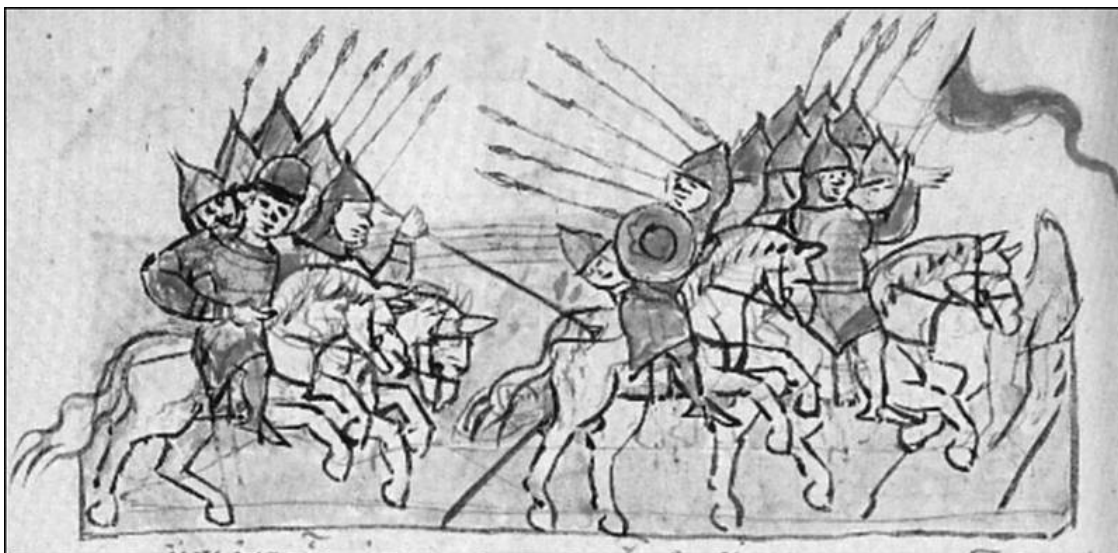
Когда Всеволоду доложили о походе племянников, князь крепко задумался. Ситуация складывалась критическая, поскольку в его распоряжении не было достаточного количества войск. Выводить против изгоев черниговский городской полк было опасно, слишком многие горожане сочувствовали Олегу. Собирать ратников по всему княжеству и слать гонцов к сыну Владимиру в Смоленск не было времени, противник наступал слишком быстро. Поэтому Всеволод мог рассчитывать только на свою дружину. Можно было сесть в осаду, дать бой племянникам на валах Чернигова и дожидаться помощи от родственников. Но при таком раскладе никто не гарантировал Всеволоду, что горожане не откроют ворота Олегу и не впустят сына Святослава в Чернигов. Поэтому князю приходилось выбирать между плохим и очень плохим развитием событий.

Всеволод решил сразиться с Олегом и Борисом в чистом поле. Как сообщает летопись, противники встретились на Сожище. Идентифицировать данное место возможным не представляется. Протекающая к северу Чернигова река Сож не подходит под место битвы, поскольку противник наступал с юга, Всеволоду же надо было двигаться навстречу племянникам, чтобы защитить свой удел. Как заметил А.Ю. Карпов, это либо река, либо урочище в Переяславской или Черниговской земле (55, 40). В целом действия Всеволода выглядели авантюрой, поскольку у князя отсутствовал крепкий тыл, противник же обладал значительным численным преимуществом. Да и воеводой черниговский князь был слабым, недаром его военными делами занимался сын Владимир. Но Мономах находился в Смоленске, враг же стремительно шел к Чернигову.

25 августа 1078 г. дядя встретился с племянниками на поле боя. Всеволод решил смять врага мощным натиском дружинной конницы, приказал поднять повыше стяг, выхватил из ножен меч и устремился в атаку. Его не смутила развернувшаяся на флангах половецкая конница, не испугали мчавшиеся навстречу гридни Олега и Бориса. Земля гудела от ударов тысяч копыт, от лязга железа и боевого клича дружинников закладывало уши. Всеволод прикрылся щитом, прищипорил коня и ринулся на ближайшего врага.

... Час спустя Всеволод Ярославич мчался по направлению к Переяславлю, следом за князем тянулись жалкие остатки его дружины. Половцы давно прекратили преследование и вернулись на место сражения собирать добычу, но насмерть перепуганному князю казалось, что погоня всё ближе и ближе. Яростно нахлестывая коня по бокам плеткой, Всеволод стрелой летел в свой родовой удел. Ближние княжьи мужи – Иван Жирславич, Туки, Чудинов брат, Порей и многие другие – пали под кривыми половецкими саблями. Теперь спасти Всеволода могли только брат Изяслав и сын Владимир. Лишь оказавшись за крепкими стенами переяславского детинца, Всеволод Ярославич успокоился и написал письмо сыну с просьбой о помощи. Мономах быстро собрал полки и выступил на юг. Узнав о движении смоленской рати, Олег отправил половцев перехватить двоюродного брата. Но из этой затеи ничего не вышло, как впоследствии написал Владимир Всеволодович, *«из Смоленска же придя, прошел я с боем сквозь половецкое войско к Переяславлю, и застал там отца, вернувшегося из похода»* (4, 229). Всеволод считал, что объединенных сил Смоленского и Переяславского княжеств мало для победы над изгоями, поэтому решил обратиться за поддержкой к киевскому князю.

Изяслав встретил брата приветливо. Рослый и могучий, он напоминал медведя, однако, в отличие от Святослава и Всеволода был человеком добродушным, прямым, зла не помнил и всегда был готов помочь оказавшемуся в беде родичу. Тем не менее Изяслав не смог удержаться от небольшого нравоучения: *«Брат! Не горюй. Видишь, чего только со мной ни приключалось: в первый раз не выгнали ли меня и не разграбили ли мое имущество? И снова: в чем провинился я вторично? Не был ли я изгнан вами, братьями моими? Не скитался ли я по чужим землям, лишенный всего, не сделав зла никакого? И ныне, брат, не тужи: если будет нам место в Русской земле, то обоим, если будем лишены – то оба; я сложу голову свою за тебя»* (4, 199).

Битва на Сожице. Миниатюра Радзивилловской летописи

Киевский князь мог выставить младшему брату солидный счет за свои беды и обиды, но вместо этого стал готовиться к войне, чтобы поставить на место зарвавшихся, по его мнению, племянников. Причем, как свидетельствует летопись, *«повелел собирать в поход всех, от мала до велика»* (4, 199). Из Вышгорода привел гридней сын Изяслава Ярополк. По мнению великого князя, дружин и полков у четырех князей было достаточно, чтобы покончить с беспокойными родственниками.

Чернигов принял Олега Святославича. Неизвестно, по какой причине, но князья надолго в городе не задержались, не исключено, что они стали добывать удел Борису. Или в преддверии грядущего столкновения с коалицией враждебных князей двоюродные братья отправились собирать ратников в северские земли. В распоряжении Олега и Бориса был месяц, за это время они могли значительно усилить своё воинство. Но как бы там ни было, когда полки Изяслава, Всеволода, Владимира Мономаха и Ярополка подошли к Чернигову, Олега и Бориса в городе не было, вражеское вторжение застало двоюродных братьев врасплох. Посовещавшись, Изяслав и Всеволод решили штурмовать Чернигов, главный удар планировалось нанести с востока, от реки Стрижень. Овладеть восточными воротами, прорваться в город и занять детинец было поручено Владимиру Мономаху и смоленским полкам. Причем сделать это надо было до подхода Олега и Бориса.

На рассвете Владимир Всеволодович построил полки. С высоты седла Мономах рассматривал восточные ворота Чернигова, высокие земляные валы и толпившихся на боевых площадках защитников. Гридни прикрывали князя щитами, ловко отражая летевшие со стен стрелы, смоленские полки шли на приступ Чернигова. Ратники тащили длинные лестницы, вязанки хвороста, чтобы заваливать ров, катили к воротам деревянный навес, под которым на цепях раскачивалось тяжёлое бревно. Воздух гудел от тысяч стрел, с обеих сторон падали убитые и раненные. Смоляне быстро достигли линии укреплений, завалили ров и стали карабкаться на вал. В ворота ударил таран, дубовые створы затрещали под мощным натиском.

Горожане сражались отчаянно, бросали со стен брёвна, метали копья и сулицы, сбивали палицами и топорами поднимавшихся на стены вражеских воинов. Атака захлебывалась. Мономах взял у оруженосца щит, вытащил из чехла боевой топор и погнал коня к городским валам, следом за князем устремилась дружина. Спрыгнув с коней, гридни преодолели вал, поднялись на стены и стали рубить черниговцев. Смоленский князь бился, как простой воин, мощными ударами щита сбрасывая со стен защитников. Дружинники прорвались в город, бой закипел на улицах Чернигова. Ворота были сбиты с петель, смоляне потоком хлынули в город.

Черниговцы не думали сдаваться, они продолжали бой среди городских построек и огородов, у боярских теремов и на папертях церквей. Мономах видел, что сражение принимает всё более ожесточенный характер и его войска с большим трудом продвигаются вперед. Чтобы избежать лишних потерь, князь приказал поджечь Чернигов. Деревянные постройки занялись огнем, вскоре пожар охватил весь окольный город. Защитники побежали в детинец, возвышавшийся над высоким берегом Десны. Спасая своих воинов от огненной стихии, Владимир приказал оставить занятые позиции и вывести полки в поле. Пожар бушевал весь день и стих только к вечеру. Смоляне вновь вошли в город, Мономах приказал наступать на детинец. Казалось, ещё немного, и Чернигов будет взят, но в это время дозорные доложили, что к городу приближается войско Олега и Бориса.

Изяслав приказал остановить боевые действия и собрал князей на совет. Было решено, что Владимир Всеволодович со смоленской ратью останется у Чернигова и не позволит горожанам прийти на помощь Олегу. Сам великий князь вместе с братом Всеволодом и сыном Ярополком поведет полки навстречу племянникам. Киевские полки выступили навстречу врагу. Наступил вечер, сгустились сумерки, Олег и Борис не рискнули начинать сражение в темноте и разбили стан на Нежатиной Ниве, недалеко от Чернигова.

В ночь перед битвой Олег пришел в шатер Бориса. Будучи реалистом, он взвешенно подошел к оценке сил противника: *«Олег же сказал Борису: «Не пойдем навстречу, не можем стать против четырех князей, пошлем лучшие с просьбой о мире к дядьям своим»* (4,199). Перевес был на стороне врага, но Святославич резонно рассудил, что дядья могут не захотеть лить русскую кровь. Да и Владимир Мономах, известный своим здравомыслием, мог поспособствовать мирному разрешению конфликта. Но Бориса одолела гордыня. *«Смотри, я готов, и стану против них всех»* (4, 199), – дерзко сказал он Олегу. Битва стала неизбежной.

* * *

За ночь погода испортилась, прошел проливной дождь, утихший к утру. Олег вышел из шатра, сел на коня и направился в половецкий стан. Половцы седлали коней и готовились к сражению, ханы поджидали русских союзников. Когда приехал Борис, начался военный совет. Было решено, что половцы атакуют правый фланг противника, в центре ударит Олег, Борис нападет на левое крыло. Внушала опасения погода, раскисшая земля и вновь начавшийся дождь могли помешать использовать в полную силу мощь конных половецких лучников.

Готовилась к битве и великокняжеская рать. Изяслав передал свою дружину под командование сына Ярополка, сам же в окружении телохранителей расположился в центре киевских полков. Ветер гнал по небу свинцовые тучи, шел мелкий дождь, иногда переходящий в сильный ливень. Погода испортилась окончательно, поле предстоящего сражения развезло, под копытами коней хлюпала грязь, пешие ратники вязли в жидком месиве из земли и воды. Громко хлопали намокшие стяги. Левое крыло великокняжеской рати возглавил Всеволод, на правом фланге встали дружины Ярополка.

Князь Борис взял копье наперевес, прищпорил коня и во главе дружины устремился на врага. Увидев, что противник перешел в наступление, Всеволод Ярославич поднял над головой меч и повел гридней навстречу воинам племянника. Две конные лавины сошлись на середине поля, грохот от столкновения был слышен далеко от места битвы. Десятки всадников с той и другой стороны были выбиты из седел, остальные схватились в рукопашной схватке. Дружинники яростно обменивались ударами, крушили палицами щиты, разрубали шлемы боевыми топорами, пронзали мечами кольчуги и панцири.

Борису не повезло. Он выбрал себе противника и погнал на него коня, но вражеский дружинник оказался опытным воином, ловко отбил щитом княжеское копье и сам нанес удар. Железный наконечник пробил пластины панциря и пронзил грудь Борису. Князь вылетел из

седла и упал в грязь, где был затоптан копытами коней. Внезапная гибель предводителя удручающе подействовала на дружинников, их боевой порыв угас, они растерялись и стали осаживать коней. Всеволод воспользовался заминкой, приказал трубить в рог и повел гридней в новую атаку.

В бой вступила половецкая конница. Непрекращающийся дождь мешал степнякам в полной мере использовать луки, поэтому ханы приказали своим воинам сплотиться и взять противника в сабли. С гиканьем и свистом половецкая орда ринулась на правое крыло великокняжеской рати. Навстречу степнякам – конь к коню, щит к щиту – выдвинулись дружины Ярополка. Прямые обоюдоострые мечи скрестились с кривыми саблями, сотни коней закружились в смертельном круговороте.

В центре боевых порядков стали сходиться пешие полки. Сжимая в руках палицы, топоры, кистени и рогатины, ратники месили ногами осеннюю грязь, выкрикивали оскорбления в адрес противника. Северяне и киевляне сошлись в ближнем бою, теперь битва бушевала по всему фронту. Киевских ратников было больше, и вскоре они стали теснить противника. Олег видел, как дрогнула дружина Бориса, как захлебнулась атака северян в центре, что в целом сражение складывается неудачно. Князь решил переломить ход битвы. Осадив коня перед строем гридней, Олег скинул с плеч тяжелый промокший плащ и вытащил из ножен меч. Дружинная конница медленно пошла вперед, конские копыта вязли в раскисшей земле, но постепенно лошади набрали ход, и железный клин стрелой полетел через поле.

Битва на Нежатиной Ниве. Смерть Бориса Вячеславовича. Миниатюра Радзивилловской летописи.

Олег ударил в стык между пешей ратью киевлян и дружинами Ярополка. Княжеские гридни сбивали пеших воинов натиском коней, рубили мечами, били кистенями и шестоперами. Олег увидел Изяслава – великий князь в окружении воевод и телохранителей стоял под стягом и наблюдал за сражением. Одну руку Изяслав Ярославич положил на рукоять меча, другой крепко держал древко стяга. Вокруг бушевало сражение, лилась кровь и гибли люди, но князь не отступил ни на шаг, всем своим видом внушая киевлянам уверенность в грядущей победе. Телохранители рубили мечами всех, кто прорывался к стягу, прикрывали Изяслава щитами от летевших в князя стрел и копий. Олег привстал на стременах, указал мечом на дядю и погнал коня в сторону вражеского стяга. Следом устремились дружинники, битва достигла наивысшей точки.

На пути Олега встали телохранители Изяслава. Прикрывшись большими, в рост человека, червленными щитами, эти отборные бойцы преградили путь вражеской коннице. Гридни Олега сражались на пределе сил, пытаясь прорубиться к великокняжескому стягу, но каждый раз на их пути вставала стена щитов. Множество воинов погибло с той и с другой стороны, телохранители были вынуждены отступить на несколько шагов, однако Изяслав даже не пошевелился и продолжал оставаться под стягом. Воеводы уговаривали князя покинуть опасное место, но Изяслав Ярославич пропустил их слова мимо ушей – киевляне должны видеть своего князя.

Битва на Нежатиной Ниве. Смерть Изяслава. Миниатюра Радзивилловской летописи.

Всё закончилось быстро. Никто не понял, как дружинник Олега прорвался сквозь ряды телохранителей и оказался рядом с Изяславом. Точным и сильным ударом копья всадник поразил киевского князя в плечо. Изяслав Ярославич рухнул на землю, княжеские телохранители быстро стащили вражеского дружинника с коня и изрубили мечами на куски. Олег решил, что победа близка, но всё пошло не так, как он надеялся. Гибель Изяслава сплотила киевлян, разъяренные ратники пошли вперед, Олег и опомниться не успел, как большая часть его гридней полегла под ударами топоров и рогатин. Вал рукопашной схватки накрыл князя, Олег с большим трудом выбрался из кровавой мясорубки.

Князь отъехал в сторону и окинул взглядом поле боя. Дружина Бориса была разгромлена Всеволодом, уцелевшие гридни разбегались, преследуемые противником. Половцы ещё держались, но уже поддавались под натиском дружинников Ярополка. В центре северяне не устояли под натиском киевлян, побросали щиты и побежали. Олег понял, что всё кончено, что пришло время спасти свою жизнь и жизни уцелевших в битве дружинников. Князь развернул коня и покинул место сражения, следом за ним потянулись уцелевшие гридни. Чем дальше беглецы отъезжали от Нежатиной Нивы, тем тише становился гул сражения, вскоре все звуки заглушил шум проливного дождя.

Войско Олега и Бориса было разбито наголову, узнав о поражении, жители Чернигова открыли ворота победителям. Смерть великого князя явилась серьезным ударом для коалиции, но не привела к тем последствиям, к каким могла привести. Тело Изяслава доставили в Чернигов, положили в ладью и по Десне везли до Городца-Остерского. В Киеве печальную процессию встретила огромная толпа народа. Погибшего великого князя в сопровождении духо-

венства провезли по улицам столицы и со всеми почестями погребли в каменной гробнице Десятинной церкви.

Олег Святославич бежал в Тмутаракань.

* * *

Битва на Нежатиной Ниве закончилась сокрушительным поражением князей-изгоев. В выигрыше оказался Всеволод, сумевший одновременно избавиться от мятежных племянников и старшего брата. По итогам битвы Всеволод получил златой киевский стол, Владимир Мономах переместился из Смоленска в Чернигов, Ярополку дали Владимир-Волынский и Туров (201). Шансы Олега вернуть родовой удел развеялись, как дым.

Главной причиной поражения князей-изгоев на Нежатиной Ниве была самоуверенность Бориса, переоценившего свои силы и настоявшего на сражении. Как нравоучительно заметил летописец, *«похвалился он, не зная, что Бог гордым противится, а смиренным помогает, чтобы не хвастался сильный силою своею»* (4, 200). Олег мог только сожалеть, что не проявил должной твердости и не переубедил родственника.

Битва на Нежатиной Ниве нашла отражение в «Слове о полку Игореве». Как и летописец, автор «Слова» напоминает читателям о хвастовстве Бориса:

...были походы Олеговы,
Олега Святославича.
Тот ведь Олег мечом крамолу ковал
и стрелы по земле сеял.
Вступал в златое стремя в граде Тмуторокани,
а звон тот уже слышал давний великий Ярослав,
а сын Всеволода Владимир каждое утро
уши закладывал в Чернигове.
А Бориса же Вячеславича похвальба на суд привела,
и на Канине зелёный саван постлала
за обиду Олега, храброго и молодого князя (26, 63–65).

Автор «Слова» слишком пристрастен, не один Олег *«крамолу ковал и стрелы по земле сеял»*, без него на Руси хватало деятелей. Другое дело, что князь с мечом в руке выступил против творившейся несправедливости, недаром в «Слове» упомянута *«обида»* Олега. И хотя правда была на стороне изгоя и его двоюродного брата, в битве на Нежатиной Ниве победили те, на чьей стороне была сила.

Олег вновь оказался в Тмутаракани. Его единственной надеждой был брат Роман, отказавшийся принимать участие в походе родственников на Чернигов. Поэтому было неизвестно, как тмутараканский князь поведет себя в сложившейся ситуации. Роман Святославич поступил вопреки здравому смыслу и начал войну с великим князем Всеволодом. Что привело к самым трагическим последствиям не только для него самого, но и для Олега: *«В лето 6587 (1079). Пришел Роман с половцами к Воиню. Всеволод же стал у Переяславля и заключил мир с половцами. И возвратился Роман с половцами назад, и убили его половцы 2 августа. И доселе лежат там кости его, сына Святослава, внука Ярославова. А Олега Святославовича хазары схватили и отправили за море в Царьград. Всеволод же посадил в Тмуторокани посадником Ратибора»* (4, 202). Существенное добавление делает В.Н. Татищев: *«Роман, сын Святослава Ярославича, желая у Всеволода Переяславль отнять, пришел со множеством половцев к Переяславлю. Всеволод же пришел с войском к Переяславлю и учинил с половцами мир. Роман, видя то, озлобился на князей половецких, что его обманули, из чего учинилась между*

ними вражда, и половцы убили Романа августа 20-го дня, кости же его лежат и до сих пор там» (82, 177). Свою трактовку событий предлагает Ян Длугош: *«Князь Руси Роман, наняв в помощь себе половцев, идёт врагом на киевского князя Всеволода, намереваясь захватить Киевское княжение. И хотя киевский князь Всеволод со своим войском выступил против него к Переяславлю, но при посредничестве всех баронов князья примиряются 2 августа. Недовольные этим половцы во время вспыхнувшего в лагере мятежа убивают Романа за то, что тот заключил мир, не посоветовавшись с ними»* (28, 274).

Картина получается следующая. Роман Святославич решил воспользоваться новым переделом уделов на Руси и предъявить права на Переяславль. Олег в этой авантюре участия не принимал, наученный горьким опытом, он не верил в победу брата. Роман нанял половцев и пошел на Русь. Путь ему преградила великокняжеская рать, превосходство оказалось на стороне Всеволода. Но великий князь не желал лить кровь своих воинов, поэтому решил действовать хитростью и подкупом. Всеволод богато одарил степняков и убедил половецких ханов заключить мир, тем самым оставив Романа без войск. Гнев тмутараканского князя понятен, он оказался в безвыходной ситуации. Мы не знаем, договаривался Всеволод с половцами об убийстве Романа, или же князь сам спровоцировал степняков на конфликт. В любом случае для киевского князя всё закончилось наилучшим образом.

Согласно Лаврентьевской летописи, к убийству Романа Святославича были причастны хазары, однако подробности дела неизвестны (202), хазарский след в этой истории так и остался загадкой. Свою версию гибели Романа выдвинул С.М. Соловьев: *«Из последующих известий летописи видно, что виновниками убийства Романова были собственно не половцы, а козары, знак, что Романове ополчение было сбродное из разных народов и что козары после разрушения своего царства существовали еще как особый народ и играли некоторую роль на степных берегах Черного и Азовского морей»* (80, 363). Могло быть и так.

После смерти Романа пришла очередь Олега. Практически вся его дружина погибла на Нежатиной Ниве, князь оказался без защиты перед лицом опасности: *«Олега Святославовича хазары схватили и отправили за море в Царьград»* (4, 202). Хазары явно действовали по указке из Киева, на это указывает прибытие в Тмутаракань посадника Ратибора, доверенного человека Всеволода. Как и место, куда отправили Олега, – Константинополь. У Всеволода, женатого первым браком на византийской принцессе, были хорошие связи при императорском дворе, чем он в данном случае и воспользовался. Византийские чиновники отправили Олега в ссылку на остров Родос.

Князь-изгой не собирался мириться со своей участью и женится на знатной гречанке Феофано Музалон. Косвенно на это указывает найденная в XIX в. печать, где по-гречески было написано: *«Господи, помоги своей рабе Феофано, архонтиссе Росии Музалониссе»*. По мнению С.Э. Цветкова, версия о женитьбе Олега на представительнице рода Музалон *«основана на сопоставлении легенды этой печати с данными Любецкого синодика, упоминающего «князя Михаила [церковное имя Олега] Черниговского и княгиню его Феофану»*. Предполагается, что обе Феофаны – это одно и то же лицо». (89, 477). Действительно, в Любецком синодике есть раздел, посвященный черниговским князьям, где упоминается князь Михаил и его жена Феофано (47, 24). Благодаря помощи влиятельных родственников жены Олег сумел в 1083 г. возвратиться в Тмутаракань. Причем вернулся как ставленник византийского императора: *«Олег Святославич был поставлен на тмутараканский престол греками, видевшими в нём собственного вассала, а в Тмутараканской земле – своё окраинное владение. Княжество к тому времени де-факто не относилось к сфере влияния Киевской Руси: император Алексей I Комнин, правивший в 1081–1118 гг., фигурирует в византийских документах как «присоединивший к империи Боспор Киммерийский»*. Печати Олега Святославича хранят надписи с греческими титулами *«севаста Михаила самодержца»* и *«архонта Михаила, Зихии и всей Хазарии»*, а его жены – с надписью *«Господи, помоги рабе своей Феофано Музалон, архонтиссе Росии»*. Греческие

титулы Михаила архонт и севаст предполагают его прямую вовлеченность в должностную иерархию Византийской империи в качестве наместника одной из областей. Разумеется, при таком вассальном положении Тмутараканского княжества не только печати, но и монеты князя должны были соответствовать имперскому стандарту» (31, 27–28). Любая попытка Всеволода выбить племянника из Тмутаракани неминуемо вела к конфликту с Византийской империей.

К моменту появления Олега в Тмутаракани ситуация в регионе изменилась. 18 мая 1081 г. город был захвачен родственниками византийского изгоя – Давыдом Игоревичем, сыном Игоря Ярославича Волынского, и Володаром Ростиславичем, сыном князя Ростислава Владимировича Тмутараканского, отравленного византийцами. Один приходился Олегу двоюродным братом, другой двоюродным племянником. Посадник Ратибор по приказу князя был схвачен и брошен в темницу. С родственниками Олег так же не стал церемониться, поскольку Тмутаракань была наследственным уделом Святославичей. Князь выгнал из города непрошенных гостей и занялся наведением порядка в уделе. Хазар, некогда выдавших его византийцам, Олег приказал всех перебить. Князь понимал, что сил для борьбы за Чернигов у него нет, поэтому задержался в Тмутаракани надолго, вплоть до 1094 г., выжидая удобного момента, чтобы предъявить права на наследство отца.

В силу особенностей характера Олег не мог долго признавать себя чьим-либо вассалом, пусть даже и Византийской империи. Его стремление подчеркнуть свою независимость от имперских властей нашло отражение в чеканке монеты: *«Византия вряд ли была инициатором создания эмиссионного центра в Тмутаракани. Напротив, этот шаг был предпринят князем Олегом для того, чтобы подчеркнуть свою автономию от империи: монетная чеканка всегда считалась одним из атрибутов самодержавной власти. Характерен и демонстративно кириллический текст легенды, в отличие от греческих надписей на печатях. Зная честолюбивый характер Олега, можно предположить именно этот, политический мотив для выпуска собственной монеты. А раз так, то серебряники его могли и не иметь сколько-нибудь серьезного экономического значения, а выпуск их оставался чисто символическим жестом политического значения»* (31, 28). Олег правил в Тмутаракани 11 лет, за это время не было ни одной попытки изгнать князя из города. Как со стороны византийцев, так и со стороны русских родичей.

В 1093 г. умер Всеволод Ярославич и у Олега появляется пусть небольшая, но надежда на лучшее. Тмутараканский князь был уверен, что когда на Руси начнется новый передел уделов, то он закончится кровавой междоусобицей между Святополком Изяславичем и Владимиром Мономахом. За Святополком было право, за Мономахом сила. Исходя из личного опыта, Олег знал, что теперь на Руси всё решает право сильного. Но Владимир Всеволодович, как когда-то его отец, проявил политическую мудрость и уступил Киев двоюродному брату: *«Если сяду на столе отца своего, то придется мне воевать со Святополком, так как стол этот прежде принадлежал его отцу»* (210). Кроме этих похвальных рассуждений был ещё один принципиальный момент, оказавший решающее влияние на ход событий. Правящей элите Киева было гораздо удобнее иметь князем недалекого и легко поддающегося чужому влиянию Святополка, чем умного и решительного Мономаха. Но и Владимир Всеволодович был непрост. Признав старшинство двоюродного брата, он удержал Чернигов, второй по значимости город на юге Руси, а для младшего брата Ростислава выторговал Переяславль. И пусть Святополк сел на златой киевский стол, Мономах остался сильнейшим князем на Руси.

Надежды Олега на восстановление справедливости рухнули окончательно и бесповоротно. Но колесо истории внезапно повернулось в другую сторону. Случилось то, чего не мог предвидеть ни потерявший надежду Олег, ни его предусмотрительный двоюродный брат Владимир Мономах: на Русскую землю вторглась половецкая орда. Это нашествие полностью изменило расстановку сил на Руси.

3. Битва на реке Стугне (26 мая 1093 г.)

Летописцы единодушно свидетельствуют, что половецкое вторжение было спровоцировано смертью Всеволода Ярославича. Не исключено, что ханы мыслили в том же направлении, что и Олег Святославич: между Святополком и Мономахом начнется война, русским будет не до степняков. В предвкушении богатой добычи половцы выступили в поход, степные кони уже топтали вражескую землю, когда до ханов дошли недобрые вести: Мономах без боя уступил Киев Святополку. Ситуация изменилась коренным образом, расчеты половцев не оправдались. Чтобы хоть как-то сохранить лицо, степняки отправили в Киев посольство с предложением заключить мир. Если бы Святополк согласился с мирными инициативами половцев, это было бы наилучшим выходом из кризиса. Даже несмотря на то, что ханам полагались богатые дары, под которыми подразумевался откуп. Урегулировав взаимоотношения со степью, Святополк получал время, необходимое для укрепления своей власти в Киеве. Владимир Мономах и Ростислав избавлялись от необходимости вести дружины на помощь двоюродному брату, которого недолюбливали. Русские люди обретали мирную передышку от половецких набегов. Однако этим надеждам не суждено было сбыться...

Святополк был в Киеве человеком новым, до этого сын Изяслава княжил в Турове: *«Сей князь великий был ростом высок, сух, волосы красноваты и прямые, борода долгая, зрение острое. Читал много книг и весьма хорошую память имел, ибо за многие годы бывшее мог сказать, словно читал написанное. Из-за болезней же мало ел и весьма редко и то по нужде для других упивался. К войне не был охотник, и хотя легко сердился, но быстро и забывал про то. При том был весьма сребролюбив и скуп, из-за чего жидким многие перед христианами вольности дал, через что многие христиане торгова и ремесел лишились. Наложницу свою взял в жены и так ее любил, что без слез на малое время разлучаться не мог, и, много ее слушающая, от князей терпел поношение, а часто и вред с сожалением. И ежели бы Владимир его не охранял, то б давно Киева Святославичами лишен был»* (82, 231). Новый киевский князь был кем угодно, но только не воином.... Вместе со Святополком в столицу пришло множество людей из Турова. Приближенные князя мыслили масштабами небольшого удела, а не Киева, их помыслы были о славе, богатстве и новых землях, но не о благе Руси. Именно они убедили Святополка совершить чудовищную ошибку, платой за которую будут тысячи русских жизней, десятки сожженных городов и деревень.

Вместо того чтобы заключить мир, Святополк взял половецких послов под стражу. Тем самым вынудив степняков вступить в войну, которую те не хотели начинать. Потому что такие вещи, как оскорбление послов, безнаказанными не остаются. Ситуация сложилась парадоксальная: половцы войны не хотели, Мономах и его брат тоже не стремились воевать, киевское боярство было категорически против войны. Только Святополк и его туровское окружение жаждали скрестить мечи с половецкими саблями. Именно безответственность и легкомыслие киевского князя привели к трагедии: *«Святополк же, не посоветовавшись со старшей дружиною отцовскою и дяди своего, по совету пришедших с ним схватил послов и запер их в избе. Узнав об этом, половцы начали воевать»* (4, 211). У Святополка явно не хватило ума правильно оценить ситуацию, советоваться же с киевскими боярами князь посчитал ниже своего достоинства.

Как обычно бывает, за глупость правителя расплачиваются простые люди. Половцы открыли военные действия и осадили город-крепость Торческ. Когда до киевского князя дошло, какую ошибку он совершил, послов быстро выпустили из заключения и отправили к ханам с предложением заключить мир. Но было уже поздно, половецкая орда огнем и мечом прошла по правому берегу Днепра. У Святополка не осталось выбора, киевский князь стал собирать войска: *«И сказали ему мужи разумные: «Не покушайся на них, так как мало име-*

еишь воинов». Он же сказал: «Я имею 700 своих отроков, которые могут им противостоять». Другие же, неразумные, стали говорить: «Иди, князь». Разумные же говорили: «Если бы ты выставил их и 8 тысяч, и то не много: наша земля оскудела от войн и от продаж. Но обратись к брату своему Владимиру, дабы он тебе помог» (4, 211). Как это ни парадоксально, но война с половцами Владимира Мономаха в данный момент не интересовала. Степняки свирепствовали на правом берегу Днепра, черниговские и переяславские земли под их удар не попали. Самым разумным решением в этой ситуации было отказать Святополку, человеку, которого Мономах искренне презирал. Черниговским и переяславским дружинникам не было нужды своей кровью расплачиваться за ошибки киевского князя. Святополк должен был сам разбираться со своими боярами, киевлянами, а заодно и с половцами. Потому что только он был виноват в случившемся. Но Мономах поступил вопреки логике и решил помочь своему недругу. Почему? Ответ мы никогда не узнаем. Легче всего объяснить действия князя его патриотизмом и стремлением спасти землю Русскую от поганых половцев. Но это будет слишком упрощённый подход, потому что не так прост был Владимир Всеволодович, как это пытаются представить.

Мономах призвал на помощь брата Ростислава из Переяславля. Вскоре князья прибыли в Киев, где в Михайловском монастыре встретились со Святополком. По свидетельству летописца, родственники «затеяли между собой распри и ссоры». Получается, что Мономах не просто так пришел в Киев, а с конкретной целью – склонить Святополка к заключению мира с половцами. Святополк упирался, настаивая на походе против степняков. О причинах этого упрямства поведал В.Н. Татищев: «Святополк, жалея дары по обычаю им давать, стоял на том, что прежде войском надо постараться их отогнать, а потом о мире говорить» (82, 189). Действительно, киевский князь был необычайно скуп, поэтому нет ничего удивительного, что он не хотел покупать мир у половцев. В конце концов, боярам надоела эта свара и они обратились к князьям с призывом: «Зачем вы ссоритесь между собой? А поганые губят землю Русскую. После договоритесь, а ныне идите против поганых – либо мириться, либо воевать» (4, 211). Как следует из текста летописи, в данный момент решение о войне принято не было.

Не было оно принято и тогда, когда дружины Святополка, Мономаха и Ростислава выступили в поход на половцев: «Володимер же миру хотяше, а Святополк хотяше ити ратию» (10, 6). Складывается впечатление, что Владимир Всеволодович хотел избежать полномасштабной войны и надеялся ограничиться демонстрацией силы. Можно предположить, что князь хотел показать противнику мощь объединенной русской рати, после чего планировал возобновить переговоры с ханами. Эти намерения Мономаха четко проявились, когда киевские, черниговские и переяславские полки вышли на берег реки Стугны. Здесь произошел военный совет, определивший дальнейшую судьбу средневековой Руси.

Владимир вновь четко озвучил своё мнение относительно войны с половцами: «Пока стоим здесь под защитой реки, заключим мир с ними» (4, 211–212). Князь предлагал встретить противника на Стугнинской линии обороны, поскольку через Поросскую половцы уже прорвались. На этот раз князь свою политическую позицию подкрепил соображениями тактическими. Мономаха поддержали все – за исключением киевлян. Момент воистину был судьбоносный. Святополк и его окружение настаивали: «Хотим биться, перейдем на ту сторону реки» (4, 212). Летописец не сообщает, почему восторжествовало мнение киевского князя и как ему удалось убедить двоюродных братьев в своей правоте. Можно предположить, что Святополк поставил родственникам ультиматум – либо они вместе переходят Стугну, либо он это делает один. Мономах оказался в ловушке, поскольку в этом случае разгром русской рати по частям становился реальностью. У Владимира Всеволодовича не было другого выбора, кроме как поддержать безумное решение Святополка. Мало того что форсирование реки в непосредственной близости от противника представляло опасность, поскольку в настоящий момент Стугна была полноводной, что создавало дополнительные трудности.

* * *

Владимир Мономах резко осадил коня на берегу Стугны. Ветер трепал за спиной князя алый плащ, пластины панциря ярко сияли на весеннем солнце. Владимир снял шлем, поставил его на луку седла и стал пристально вглядываться в противоположный берег. Половцев видно не было, местность была пуста, лишь вдалеке высились рукотворные горы Змиевых валов. Вскоре князь разглядел двух всадников, мчавшихся по направлению к реке, это были разведчики, отправленные на поиски степняков. Переправившись через Стугну, воины доложили Владимиру Всеволодовичу, что половецкий стан расположен далеко от вала, степняки ведут себя беспечно и не ожидают нападения. Когда подъехали Святополк и Ростислав, Мономах вкратце обрисовал родственникам сложившуюся ситуацию. Киевский князь ещё больше уверился в своей правоте и стал настаивать на немедленной переправе. Владимир понимал, что возражать бессмысленно, и согласился со Святополком. Вода в Стугне закипела, когда конные дружины вошли в реку, многие гридни переправлялись на ладьях, лодках и челнах, держа за повод плывущих рядом коней. Достигнув противоположного берега, ладьи быстро возвращались обратно, чтобы забрать новую партию толпившихся на прибрежном песке пеших ратников. Всё больше и больше русских воинов переправлялось через Стугну, великокняжеская рать собиралась в полки на правом берегу. Когда переправились князья, войска начали выстраиваться в боевой порядок. На левом крыле встал Владимир с черниговцами, в центре расположился Ростислав с переяславцами, Святополк с киевлянами занял позиции на правом фланге. Мономах приказал поднять стяг и стал объезжать строй ратников и дружинников. Князь был уверен в своих людях, позиция у черниговцев была крепкая. При необходимости Владимир Всеволодович мог растянуть фланг до Днепра и совершенно исключить возможность его охвата противником. Князь был спокоен и за брата Ростислава: с одной стороны переяславцев прикрывали черниговцы, с другой киевляне. Владимира тревожил Святополк, именно на его участке фронта половцы могли обойти русскую рать. Но как исправить ситуацию, Мономах не знал.

Закончив построение, полки и дружины пошли вперед. На гребне валов маячили конные разведчики, в случае наступления половцев они должны были предупредить князей и воевод об опасности. Русская рать продолжала движение на юг, слева осталась крепость Треполь, возвышающаяся над крутым берегом Днепра. Столпившиеся на стенах воины гарнизона приветствовали русское войско радостными криками, трубили в трубы и били в бубны. Они были уверены, что половцев отбросят обратно в степь и непосредственная угроза Треполю будет ликвидирована. Примчался ещё один конный разведчик. Дружинник поведал князьям, что половецкий стан пришел в движение, степняки седлают коней и готовятся к бою. Мономах приказал ускорить движение, он хотел достичь Змиевых валов раньше половцев. Русские воины сумели опередить противника и стали медленно подниматься по склонам гигантской насыпи. Когда запыхавшиеся ратники взобрались на гребень валов, то увидели вдали половецкую конницу. Степняки напозлали словно туча, готовая в любой момент разразиться страшной грозой. Полки стали спускаться с насыпей и располагаться у их подножия, конные дружины заняли проходы между валами.

Бой начали половецкие конные лучники. Смертоносный дождь пролился на русское войско, степняки атаковали несколькими волнами. Опустошив колчаны, передовые отряды половцев уходили в тыл, освобождая место новым сотням. Степняки быстро меняли друга друга, стрелы непрерывно падали на плотные ряды ратников. Княжеские лучники поднялись на валы и сверху били вражеских конных стрелков, нанося противнику ощутимый урон. Катались по земле подстреленные кони, корчились в траве раненые наездники, повсюду лежали утыканные стрелами мертвые тела. Постепенно половецкие конные лучники стали смещаться

к Днепру, направив острие атаки на черниговские и переяславские полки. Под непрерывающимся ливнем стрел русские ратники опускались на колени и поднимали над головами большие миндалевидные щиты.

Пока центр и левое крыло русской рати подвергалось непрерывным атакам лучников, против киевских полков сосредоточилась тяжеловооруженная половецкая конница. Степные батыры ждали команды ханов, чтобы пойти вперед и изрубить вражеское воинство. Загрохотали барабаны кочевников, высоко в небо взвились мохнатые бунчуки, лавина всадников устремилась на киевлян. Навстречу половцам на рысях пошла дружинная конница, впереди строя гридней размахивая мечом, мчался Святополк. Началась ожесточенная рубка, где перевес клонился то на одну, то на другую сторону. Пользуясь численным превосходством, половцы усилили натиск, но в это время в бой вступила пешая киевская рать и потеснила конницу противника. Степняки пятились, русские их преследовали, вскоре между киевлянами и переяславцами образовался разрыв, увеличивающийся с каждой минутой. В эту брешь ханы бросили отряды свежей конницы, отсекли полки Святополка от остальной рати и стали оттеснять к валам. Владимир и Ростислав ничем не могли помочь родственнику, поскольку их полки и дружины подвергались массированным атакам конных стрелков.

Киевляне бились люто, в ожесточенной рукопашной схватке перемешались всадники и пешие, русские и половцы. Уступать не хотел никто. Но половцы постепенно брали киевлян в клещи, дробили их строй на части, и вскоре боевой порядок в полках Святополка рухнул. То здесь, то там стали появляться первые беглецы, затем количество испуганных и охваченных паникой людей превратилось в ручеек, наконец, побежало всё киевское войско. Святополк в ярости метался среди ратников, пытаясь остановить поток беглецов, в одиночку бросался на половецких всадников, страшными ударами меча валил степняков вместе с конями на землю. Панцирь Святополка был забрызган своей и чужой кровью, щит иссечен саблями и пробит копьями. Но князь ничего не замечал и, как безумный, продолжал рубить выщербленным клинком. В себя князь пришел, только когда оказался за стенами Треполя. Святополк Изяславич разжал сведенные судорогой пальцы, выронил на землю обломок меча и принял из заботливых рук воеводы ковш студёной воды. Издалека доносился грохот битвы, ещё бились Владимир и Ростислав, но киевскому князю уже было всё равно. Дождавшись ночи, Святополк покинул Треполь и бежал в Киев.

Черниговские и переяславские полки вступили в битву со всей половецкой ордой. Но силы были уже неравны, и степняки одолевали. Сбитые с позиций, русские ратники карабкались на валы и бежали к Стугне, дружины Мономаха и Ростислава прикрывали отход. Под ударами сабель и копий половцев гридни один за другим валились с коней, паника, как половодье, охватывала остатки русской рати. Наконец дружинники не выдержали сумасшедшей рубки, развернули коней и помчались прочь с поля боя. Владимир и Ростислав одновременно примчались на берег Стугны и погнали коней в воду. Бурный поток подхватил Ростислава вместе с конем, закружил в водовороте и вырвал князя из седла. Тяжелая кольчуга тянула Ростислава на дно, Мономах увидел лишь перекошенное от ужаса лицо брата. Владимир бросился на помощь, но нога запуталась в стремях, князь ушел под воду, нахлебался воды и едва не утонул. А когда вынырнул, Ростислава нигде не было видно. С трудом добравшись до берега, черниговский князь упал на траву и долго лежал без движения. Кто-то из дружинников осторожно потрогал Мономаха за плечо. Князь поднялся, оттер с лица речной ил, с трудом залез в седло и помчался прочь от этого проклятого места. Путь его лежал в Чернигов.

* * *

Битва на Стугне закончилась сокрушительным разгромом русской рати. Виновник катастрофы был только один – Святополк Изяславич, своими непродуманными действиями спрово-

воцировавший войну с половцами. Затем киевский князь усугубил стратегическую ситуацию тактическими ошибками. И хотя в битве Святополк дрался мужественно, «держался крепко», это не повлияло на исход битвы, именно разгром киевлян на правом фланге привел к трагедии. Половцы применили тактику, которая была стара как мир: сковав атаками легкой конницы дружины Владимира и Ростислава, нанесли лучшими войсками удар по рати Святополка. По крайней мере, такой вывод напрашивается после прочтения летописных текстов. В любом другом случае действия союзных князей, не оказавших в критический момент битвы помощи Святополку, не поддаются логическому объяснению.

Летописи подробно описывают как расположение русских полков, так и ход битвы: «Святополк же и Владимир и Ростислав, построив дружину, пошли вперед. И шел на правой стороне Святополк, на левой Владимир, посередине же был Ростислав. И миновав Треполь, прошли вал. И половцы выступили навстречу, выставив впереди стрелков. Наши же, став между валами, подняли свои стяги, и стрелки пошли из-за вала. И половцы, приблизившись к валу, подняли стяги свои и налегли сперва на Святополка и взломали полк его. Святополк же держался крепко, а люди его побежали, не выдержав натиска воинов, после чего побежал и Святополк. Потом половцы наступили на Владимира, и была брань лютая; побежали и Владимир с Ростиславом, и воины его» (4, 212). За некоторым исключением, данная информация совпадает с рассказом Яна Длугоша: «Они выводят войска в поле против врага и, сделав первую остановку у Котрополя, приходят к реке Стугне, где осведомляются о настроении воинов, хотят ли те сражаться. И поскольку мнения разошлись, князь Владимир советовал, перейдя реку, вступить с врагом в переговоры о мире. Хотя многие одобряли это, речь не понравилась киевлянам, которые отказались заключать какой – либо мир с половцами. Все согласились с таким решением, [и] перейдя реку Стугну, которая тогда была переполнена водами, они направляют выстроенные полки на врага. Ростислав держал левое, Святополк правое крыло, а Владимир – центр, и двадцать шестого мая они начинают битву. Половцы, выслав вперед лучников, нападают на русские войска, расположенные между двумя рвами. Первым делом они поражают Святополка и его войско на правом крыле, и после того как воины Святополка обратились в бегство, за бегущими последовал и сам Святополк. Затем половцы обрушиваются на Владимира и Ростислава и поражают их, и Владимир и Ростислав бегут с оставшимися воинами, и Ростислав попадает в опасность на реке Стугне, когда волны стали захлестывать его. Брат его Владимир, пытаясь помочь ему, едва сам не захлебнулся в воде. После того как Ростислав и многие воины утонули, Владимир с немногими, переплыв реку, стал на другом берегу, оплакивая своего брата Ростислава и воинов, которые погибли вместе с ним в бою и в волнах» (28, 278).

Летописцы единодушны в определении места битвы – на правом берегу Стугны, к югу от крепости Треполь. В наши дни это село Треполье недалеко от Киева: «В центре села, на прав. бер. р. Днепр при впадении в него р. Красной, городище – остатки древнерусского Треполя, впервые упомянутого в летописи под 1093 г. Укрепления прослеживаются плохо. Поселение вытянулось вдоль Днепра на 800 м. Площадка городища застроена. Среди случайных находок имеются свинцовая вислая печать с изображением святых Михаила и Георгия по сторонам, несколько серебряных гривен киевского типа, свинцовые пломбы, стеклянные браслеты, гончарная древнерусская (XI – XIII вв.) керамика» (64, 173). Вопрос в том, насколько далеко от Треполя ушла русская рать.

В этой битве погибли дружины трех сильнейших княжеств Руси, на поле боя осталось множество бояр и воевод. Но самой тяжелой потерей стала гибель переяславского князя, для Владимира Мономаха смерть младшего брата стала настоящей трагедией. После побоища тело Ростислава было найдено в реке и доставлено в Киев. В последний путь переяславского князя провожали огромные толпы народа, рыдала безутешная мать, киевское духовенство отпевало погибшего в Софийском соборе. Погребли Ростислава рядом с отцом, Всеволодом Ярославичем.

чем. Безвременная смерть молодого князя поразила современников, неудивительно, что со временем она обросла легендами. Любопытный рассказ на эту тему содержится в Киево-Печерском патерике: *«Случилось однажды в монастыре, что осквернился сосуд от падения в него какого-то животного; и по этому случаю преподобный Григорий пошел к Днепру за водой. В то же время проходил здесь князь Ростислав Всеволодович, шедший в Печерский монастырь для молитвы и благословения: он, с братом своим Владимиром, шел в поход против воевавших с Русью половцев. Увидали княжеские слуги старца и стали издеваться над ним, выкрикивая срамные слова. Инок же, провидя, что близок их смертный час, стал говорить им: «О чада! В то время как вам следовало бы быть благочестивыми и призывать всех молиться за вас, вы великое зло творите, – не угодно Богу это. Плачьте о своей гибели и кайтесь в своих согрешениях, чтобы хотя в страшный день принять отраду, ведь вас уже постиг суд: все вы и с князем вашим умрете в воде». Князь же, страха Божия не имея, не внял сердцем словам преподобного, а подумал, что лишь пустые речи – пророчества его, и сказал: «Мне ли предсказываешь смерть от воды, когда я плавать умею?» И, рассердившись, князь велел связать старцу руки и ноги, повесить камень на шею и бросить в воду. Так был он потоплен...*

Ростислав же не счел за вину греха своего и не пошел в монастырь от ярости. Не захотел он благословения, и оно удалилось от него; возлюбил проклятие, и проклятие пало на него. Владимир же пришел в монастырь для молитвы. И были они у Треполя, и произошло сражение, и побегали князья наши от лица врагов. Владимир, по молитвам и благословению святых, переехал реку; Ростислав же, по слову святого Григория, утонул со всем своим войском. *«Каким, – сказано, – судом судите, таким будете судимы, и какою мерою мерите, такую будут мерить и вам»* (1, 411). Трудно сказать, насколько данная информация соответствует реальному положению дел, ни подтвердить её, ни опровергнуть возможным не представляется.

О погибшем князе вспоминает и автор «Слова о полку Игореве»:

...река Стугна:
скудную струю имея,
поглотив чужие ручьи и потоки,
расширенная к устью,
юношу князя Ростислава заключила.
На темном берегу Днепра
плачет мать Ростислава
по юноше князе Ростиславе.
Уныли цветы от жалости,
и дерево с тоской к земле приклонилось (26, 105).

Трагическая судьба князя Ростислава заинтересовала А.К. Толстого, написавшего на эту тему замечательное стихотворение:

Князь Ростислав в земле чужой
Лежит на дне речном,
Лежит в кольчуге боевой,
С изломанным мечом...

После разгрома на Стугне и смерти Ростислава военное могущество Мономаха рухнуло, поскольку он не мог одновременно удерживать сразу два княжества – Черниговское и Переяславское.

Вот он, шанс, который Олег годами ждал в Тмутаракани!

* * *

После побоища на Стугне все силы половцев были брошены на Торческ, важнейший город-крепость Поросской линии обороны. Однако всё пошло не так, как планировали ханы. Торки храбро бились с кочевниками на валах и у городских ворот, делали вылазки во вражеский стан, переходили в контратаки во время приступа. По большому счёту, половцы не умели брать города штурмом, предпочитая мощному натиску длительную осаду. Такая тактика была связана с определенным риском, поскольку к защитникам могла прийти помощь. Но в сложившейся ситуации, когда русские дружины были разгромлены на Стугне, степнякам ничего не угрожало. Не имея возможности быстро овладеть Торческом, половцы взяли крепость в тесное кольцо блокады. Поскольку времени у степняков было много, они начали большие земляные работы и отвели от города воду. Оборонявшие город торки оказались в сложном положении, кроме голода их стала мучить жажда, тушить пожары стало нечем. И всё-таки крепость не сдавалась, в течение девяти недель защитники продолжали борьбу. Понимая, что рано или поздно все ресурсы сопротивления будут исчерпаны, руководители обороны отправили в Киев гонца к Святополку с просьбой о помощи. Вестник предал князю слова защитников крепости: *«Если не прилещишь пищи, мы сдадимся»* (4, 213). Святополк попытался наладить доставку продовольствия в Торческ, но силы, которыми он в данный момент располагал, были невелики, и попытка успехом не увенчалась. Половецкие ханы поняли, насколько слаб в данный момент киевский князь, поэтому приняли дерзкое, но стратегически верное решение – совершить набег на Киев. Орда разделилась: половина степняков осталась осаждать Торческ, остальные выступили в поход на вражескую столицу.

Битва на Стугне ничему не научила Святополка, ни сокрушительное поражение, ни гибель дружины не охладили его воинского пыла. Создается впечатление, что князь жил в каком-то параллельном мире, который сам себе придумал. И в этом мире он был самый сильный, самый храбрый и самый умный. Действительность была иной, со временем Святополк это осознал, но пока продолжал жить в плену собственных иллюзий. Очень трудно понять, чем руководствовался киевский князь, когда выводил наспех набранную рать за пределы городских стен, чтобы сразиться со степняками. Хотя не исключено, что повторилась ситуация 1068 г., когда после поражения князей на Альте народ потребовал продолжить борьбу со степняками. И в отличие от Изяслава Святополк пошел навстречу народным массам. Но это тоже лишь предположение, мы не знаем, как всё обстояло на самом деле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.